

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 811.161.1'27
ББК Ш141.2-7

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.01

А. Д. Васильев А. D. Vasiliev
Красноярск, Россия Krasnoyarsk, Russia

ВЕРБАЛЬНАЯ МАГИЯ РОССИЙСКОГО ОФИЦИОЗА

Аннотация. На примере переименования милиции в полицию рассматриваются сегодняшние проявления вербальной магии в российском офицозе.

Ключевые слова: вербальная магия; российский офицоз; «милиция»; «полиция».

Сведения об авторе: Васильев Александр Дмитриевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего языкознания.

Место работы: Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева.

Контактная информация: 660049, г. Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.
e-mail: vasileva@kspu.ru.

VERBAL MAGIC OF RUSSIAN OFFICIAL BODIES

Abstract. On the basis of re-naming of Militia to Police the article reveals the present-day manifestation of magic in Russian official bodies.

Key words: verbal magic; Russian official bodies; "Militia"; "Police".

About the author: Vasiliev Aleksander Dmitrievich, Doctor of Philology, Professor of the Chair of General Linguistics.

Place of employment: Krasnoyarsk State Pedagogical University n. a. V. P. Astafiev.

В предельно упрощенном виде вербальную магию можно представить как манипуляцию словами, фактически приравняемыми к объектам реальной действительности, направленную на изменение сознания адресата, а следовательно — на управление его поведением так, как это желательно адресанту-манипулятору. К набору главных, родовых признаков манипуляции относят следующие: 1) это вид духовного, психологического воздействия, мишенью которого являются психические структуры личности; 2) это скрытое воздействие, факт которого не должен быть замечен объектом манипуляции; 3) это воздействие требует от манипулятора значительного мастерства и знаний; 4) это отношение к людям, сознанием которых манипулируют, не как к личностям, а как к объектам, особенно рода вещам [Кара-Мурза 2002: 16—17] (разрядка здесь и далее наша. — А. В.).

Сегодня всё более популярной среди исследователей становится широкое понимание манипулятивной функции языка и соответственно его поистине безграничных потенций в этом отношении. «Язык как система понятий, слов (имен), в которых человек воспринимает мир и общество, есть самое главное средство подчинения... Первоначальной функцией слова на заре человечества было его суггесторное воздействие» [Кара-Мурза 2002: 84], — подобные суждения находим в трудах лингвистов, в ряде случаев подчеркивающих невозможность четкого и безусловного разграничения манипулятивных и «неманипулятивных» речевых актов, например «из-за крайней сложности квалификации и проведения черты между просто рече-

вым воздействием, без которого нет и не может быть естественного общения людей (любой речевой акт суггестивен), и манипуляцией» [Голев 2007: 11]. Ср.: «Любой акт речевого общения не происходит ради самого общения: коммуниканты всегда преследуют определенные речевые цели, которые в итоге влияют на деятельность собеседника» [Секретарёва 2005: 266] — и: «Любой акт коммуникации, вербальной или невербальной, призван воздействовать на ее участника. Даже фатическое общение имеет целью как минимум возбудить внимание к тому, кто такое общение иницирует. Даже нейтрально-информативный монолог типа научного сообщения имеет целью как минимум побудить слушателей вникнуть в его содержание» [Осипов 2007: 217]. Несомненно, что и «текст закона в каком-то отношении является узаконенным манипулятивным текстом» [Бринёв 2005: 158].

Манипуляции — неизбежный, имманентный модус поведения и необходимый атрибут и инструмент любой власти так же, как и средства массовой информации, без которых осуществление манипулятивных операций заведомо невозможно (в лучшем случае малоэффективно).

Не углубляясь в многовековую историю вербально-магических манипуляций, остановимся лишь на некоторых ее чертах, характерных для внутрироссийской ситуации примерно двух последних десятилетий. Попутно заметим, что до сих пор еще довольно заметны (правда, не настолько, как в конце 80-х — начале 90-х гг. прошлого века) усилия отдельных отечественных лингвистов по разоблачению и искоренению тех лексико-

фразеологических особенностей официально-употребления русского языка, которые в совокупности были удостоены полукалькированного терминоида «советский новояз». Он в перестроечно-реформаторский период был обозначен как самая доступная мишень, попытки хоть как-нибудь поразить которую не только свидетельствовали о новейшей благонадежности авторов, но и предлагали некое научно-лингвистическое оправдание и обоснование развернутых экспериментов над населением и трансформации ментальности этносоциума. Как будто внезапно произошло слаженное прозрение пандемического характера («послушать иных многих, так просто жалко делается людей: чуть ли не все изнывали под игом тоталитаризма, диктата, цензуры...» [Трубачёв 2004: 141—142]). По-видимому, именно колоссальные затраты энергии на производство безопасного и прибыльного пафоса так и не дали многим специалистам заметить сегодняшние эволюции общественно-политического дискурса, что не только антиисторично, но и противоречит ряду известных собственно лингвистических положений. Ведь «во всей истории литературных (или стандартных) языков мы видим примеры того, как класс, переживающий эпоху своего господства, уступая свою позицию новому, идущему ему на смену классу, передает последнему... и языковую традицию. Стандартный язык, таким образом, как эстафета, переходит из рук в руки, — от одной господствующей группы к другой, наследуя от каждой из них ряд специфических черт» [Поливанов 2001: 331].

Надо добавить также, что образ советского ратора характеризовался категорией коммунистической партийности, адекватно доминировавшим тогда ценностям воплощавшейся в вербальной магии того времени: «Знак воспринимается как мотивированная модель вещи, поэтому в речевой практике они отождествляются... Правила обращения со знаками и вещами тоже отождествляются. Знак становится более суггестивным, чем информативным» [Романенко 2003: 222].

Собственно, это универсальный и традиционный феномен: «Во времена далекие от нас ... между родным словом и мыслью о предмете была такая тесная связь, что ... изменение слова казалось непременно изменением предмета. Слово есть самая вещь, и это доказывается не столько филологической связью слов, обозначающих слово и вещь, сколько распространенным на все слова верованием, что они обозначают сущность явлений. Слово, как сущность вещи, в молитве и занятии получает власть над природою» [Потебня 1976: 173].

Поэтому нельзя оставлять без внимания ни несомненную преемственность этих тенденций речевой коммуникации в пределах одного языка, ни в то же время почти (?) повсеместную их распространенность в типологически разных языках и в условиях различных социально-политических систем. Достаточно вспомнить хотя бы о несомненных успехах нацистской пропаганды, или об особенностях «литературного английского» — «занудного диалекта, языка газетных передовиц, Белых книг, политических речей и выпусков новостей Би-би-си», для которого «характерна опора на штампы» [Оруэлл 1989б: 332]; или о *political correctness* — «политической корректности» (переводят также как «культурная корректность», «коммуникативная корректность»), сконструированной и культивируемой в США и в полном соответствии с практикой глобализации экспортируемой по всему миру.

Однако вернемся к сегодняшней российской официальной речекоммуникативной ситуации, формируемой трудами политтехнологов, породивших множество слов и устойчивых словосочетаний, которые предназначены для проведения вербально-магических операций. Их манипулятивные функции обеспечиваются либо за счет семантической пустоты используемых лексико-фразеологических единиц, либо за счет подмены обозначаемых понятий. Разумеется, степень успешности этих операций почти всецело определяется усилиями так называемых средств массовой информации (в действительности, конечно, — массовой дезинформации и управления сознанием социума), в первую очередь телевидения.

Приведем здесь лишь несколько примеров политико-лингвистического творчества («креатива», как принято выражаться в современной России) перестроечно-реформаторского периода (впрочем, некоторые из них калькированы с иностранных языков): *стратегия ускорения* (не успевшая стать даже тактикой); *новое мышление* (результаты его то ли неосмысленного, то ли слишком по-новому обдуманного кем-то применения очень хорошо известны); *равноправное партнерство* (изначально неосуществимое); *мировое сообщество* (обычно имеются в виду одно-два государства, иногда — чуть больше); *оптимизация бюджета* (постоянное снижение финансирования образования, здравоохранения и других жизненно важных сфер); *социальная норма* (непонятно как установленный минимум расходов электроэнергии); *монетизация льгот* (резкое ухудшение материального положения и без того небогатых граждан); *модернизация* (обычно

добавляется несогласованное определение: скажем, *модернизация производства* — однако хорошо известно, что в сегодняшней РФ какое-либо реальное производство почти совершенно отсутствует, как и возможности для его развития); *стабильность* (в основном относится к незыблемости персонифицированной власти); *жилищно-коммунальная реформа* (перманентный и ничем рационально не оправдываемый рост платы за коммунальные услуги без малейшего улучшения их качества); *правовое государство* (сколь угодно удовлетворительная дефиниция этого словосочетания вряд ли возможна).

Иногда вербально-магические операции производятся за счет замещения одного слова другим, причем суть обозначаемых ими явлений совершенно не меняется (своеобразное воплощение установок политкорректности). Такой стала, скажем, замена *прописки* на *регистрацию*. *Прописку* объявили злокозненным изобретением советской власти (хотя, по-видимому, прикреплению личности как таковой к определенному месту проживания восходит еще ко временам патриархально-царской России и крепостного права) и в 1993 г. под знаменем либерализации и демократизации всего и вся превратили в *регистрацию* — якобы для реализации права граждан на свободное передвижение по территории страны и выбор места жительства. Однако, и это очень хорошо известно любому жителю России, в действительности *регистрация* оказалась ничуть не менее жестким средством бюрократического давления на граждан, столь же успешно, сколь и бывшая *прописка*, ограничивающим конституционную свободу их передвижения. Нельзя считать случайным, что сегодня (причем не только в сугубо бытовом общении) эти слова зачастую путают (вероятно, считая их абсолютными синонимами, или дублетами): судя по беглым наблюдениям, слово *прописка* в речекоммуникативных актах гораздо более частотно, нежели *регистрация*, официально регламентируемое как доминирующее. Ср. беллетристическое осмысление этого феномена в пьесе 2003 г.: «Кабулов (участковый милиционер): Иван Афанасьевич, ты мне нужен! Иван Афанасьевич (ответственный квартиросъемщик): В чем дело? Кабулов: Иностранца у себя на квартире прячешь. Незарегистрированного. Иван Афанасьевич: Так ведь *прописку* отменили! Или демократию тоже отменили? Кабулов: *Прописку* отменили. А *регистрацию* никто не отменял» [Поляков 2004: 157].

Весьма симптоматичен и символичен недавний пример очередного вербально-ма-

нипулятивного эксперимента над общественным сознанием, как и все подобные, круто замешенный на вере в магическую силу слова, — переименование российской *милиции* в *полицию*. Это еще одна стадия игры в слова, долженствующая свидетельствовать об окончательном разрыве нынешнего государственного устройства с советским прошлым и абсолютной необратимости перемен во всех сферах жизнедеятельности социума.

По-видимому, здесь, как и во многих подобных случаях, традиционно проявилось волюнтаристское начало, столь излюбленное российскими «топ-менеджерами». Было высочайше объявлено, что *милиция* — это изобретение советской власти (кстати, как обычно, обнаружилось малоудовлетворительное знание отечественной истории: милицией царскую полицию заменило весной 1917 г. Временное правительство. Упомянутая власть, очевидно, уловив преобладавшие в обществе настроения, лишь переняла от своей предшественницы это именование сил охраны правопорядка и борьбы с преступностью). Согласно энциклопедическому толкованию, круг обязанностей милиции определялся следующим образом: «*милиция*... — в СССР гос. орган, призванный обеспечивать охрану общественного порядка, социалистической собственности, прав и законных интересов граждан, предприятий, организаций, учреждений от преступных посягательств и др. антиобщественных действий» [Советский энциклопедический словарь 1983: 802]. Совсем иначе характеризуется тем же словарем *полиция*; в качестве первого (и главного) значения приводится: «в эксплуататорских государствах система особых органов надзора и принуждения, а также карательные войска внутреннего назначения, охраняющие существующий общественный строй путем прямого подавления классовых противников» [Советский энциклопедический словарь 1983: 1027]; ср. в толковом словаре: «*полиция* — 1) особый орган, располагающий вооруженными отрядами для охраны безопасности существующего строя и установленных порядков в дореволюционной России и капиталистических странах... „Во всех буржуазных республиках, даже наиболее демократических, полиция является главным орудием угнетения масс (как и постоянная армия), залогом всегда возможных поворотов назад к монархии“. Ленин» [МАС₂ 1983, т. 3: 262]. Радикальные различия в дефинициях налицо и не нуждаются в подробных комментариях, так же, как и основной аргумент необходимости якобы назревшей замены названия: «пришла пора вернуть *милиции* ее прежнее наименование

и именовать в дальнейшем наши органы правопорядка *полицией*» [Кузьмин 2010: 2].

Высшие представители ведомства проявили завидную дисциплинированность и оперативность: по словам статс-секретаря, заместителя министра внутренних дел, генерал-майора *милиции* С. Булавина, «такое переименование — один из результатов работы над проектом. Пришло понимание, что социальная модель милиции базируется на выполнении органами правопорядка профессиональных *полицейских* функции» [Фалалеев 2010: 10]. Другой юрист, президент Федеральной палаты адвокатов РФ, тоже искренне одобрил нововведение: «Милицеское ведомство на сегодняшний день настолько дискредитировало себя, что даже простая смена названия содержит в себе позитив» [Семеняко 2010: 5] (хотя по поводу «самодискредитации милиции» можно было бы заметить, что ни одно другое ведомство или социальная группа также не устояли бы против мощной кампании, развернутой буквально всеми СМИ). В хоре единодушного одобрения зазвучали и полуанонимные голоса граждан с высказываниями вроде следующего: «По моему мнению, переименование милиции в полицию — это очень важный и своевременный шаг руководства страны» [Там же] и т. п.

Собственно, в подобных реакциях аудитории легко обнаружить признаки того, что сегодня называют «обыденным метаязыковым сознанием», подразумевая «набор более или менее осознанных представлений рядовых носителей языка о самом языке в его разных проявлениях» [Голев 2008: 5] (хотя, наверное, абсолютное и безусловное разграничение «обыденного» и «научного» языкового сознания лингвиста довольно дискуссионно: придется предположить нечто вроде раздвоения личности, и хорошо, если только языковой...).

Любопытна, между прочим, точка зрения актера О. Анофриева, выдаваемая, кажется, то ли за авторитетное мнение, то ли за глас народа: «Согласен с переименованием нашей службы правопорядка. Когда нужно внести изменения в существо дела, надо менять витрину, менять название, а точнее [!] — понятие» [Пять событий 2010: 2]. Иначе говоря, ставится знак абсолютного равенства между реальией (каким-либо феноменом как элементом действительности), ее вербальным знаком-выражением (словом как единицей языка) и понятием об этой же реальности (т. е. мыслью как продуктом мышления, психического мира). Это и глубочайшая, неискоренимая даже собственным житейским опытом индивида вера в магию слова, и наивная ата-

вистическая убежденность в том, что сущность реалии можно мгновенно изменить за счет ее иного названия (т. е. радикально преобразить сущность, вплоть до придания ей черт полной ее противоположности, нововведенным словесным обозначением). В общем-то, если учесть специфику трудовой деятельности престарелого актера (который к тому же видит «во всем происходящем [имеются в виду пожары в России и наводнение в Европе] не что иное, как знаки приближения Апокалипсиса» [Там же]), здесь нет ничего удивительного: декорации привычно создают необходимый антураж, выстраивая подобия реального мира; грим и сценический костюм сотворяют персонажа спектакля или фильма, имитирующего настоящего человека, и т. п. Однако наиболее примечательным звеном псевдологического построения оказывается, на наш взгляд, отождествление названия и понятия. Собственно, это возжеленная мечта профессиональных лицедеев совсем иного уровня — властных манипуляторов, ведущих игру в слова и ведущих в ней; именно к упомянутому отождествлению как доминирующему способу мышления (и, естественно, единомыслия) направлены информационно-психологические операции. Вот что декларирует один из «жрецов власти» в «1984»: «...Вам следует понять, что власть — это власть над людьми, над телом, но самое главное — над разумом. Власть над материей — над внешней реальностью... не имеет значения... Мы покорили материю, потому что мы покорили сознание. Действительность — внутри черепа» [Оруэлл 1989а: 179].

Может быть, еще и поэтому — чтобы отвести от себя малейшие подозрения в инакомыслии — вроде бы профессиональный юрист предлагает, по сути дела, не вдаваться в какие-либо дискуссионные аспекты переименования, решительно заявив: «Законодательная инициатива президента страны о преобразовании нынешней *милиции* в *полицию* понятна и прозрачна без каких-либо толкований» [Семеняко 2010: 5].

Между тем следовало бы все-таки с большей осторожностью отнестись к рекомендациям политтехнологов, спичрайтеров и прочих соавторов переименований-инноваций, а именно учесть некоторые константы упомянутого «обыденного метаязыкового сознания» на уровне устойчивой сочетаемости некоторых слов, вызываемых ими ассоциаций и т. п. Например, наличие (в том числе и в современном публичном и публицистическом дискурсе) явно негативно оценочных словосочетаний «*полицейские меры*, *полицейское государство* (ср.: „*полицейский*... 3) не одобряющий на по-

лицию... и жандармерию, характеризующийся грубым насилием и произволом. *Полицейский террор. Полицейские методы управления* [МАС₂ 1983: 262]), существительного *полицейщина* — «разг. неодобр. система полицейской регламентации всей общественной жизни; полицейский режим» [Там же] (это, кажется, ничем не отличается от многократно проклятого советского тоталитаризма) и, конечно, еще не вполне стерттого из исторической памяти этносоциума слова-клейма *полицай* — «разг. презр. полицейский, завербованный из числа местного населения (на оккупированных территориях во время Великой Отечественной войны)» [Там же]. Ср. по поводу последнего: «Некоторые [немецкие] слова в речи русского человека подвергались смысловому преобразованию, в ходе которого изменяли характер предметной отнесенности. Словом *полицай* (нем. *Polizei* — *полиция*) обозначались военизированные формирования, которые создавались из отщепенцев на временно захваченной территории, но это слово в речи русских превратилось в презрительное обозначение полицейских, — кто пошел на службу в полицию; примечательно, что в фашистском лексиконе функционер полицейских формирований назывался по-немецки: *полицист* (*Polizist* — *полицейский*). Но в речи местного населения блюстителей «нового порядка» всё же называли словом *полицай* — именем того учреждения, где служили изменники родины. Не прежнее слово *полицейский*, а слово *полицай* становится обозначением и отрицательной оценкой функционеров, творивших злодеяния на оккупированной территории. Закреплению оценочного наименования за *полицистами* — полицейскими, несомненно, способствовало то, что слово осмыслялось как образование с суффиксальным показателем *-ай, -яй*; русские образования на *-ай, -тяй, -дяй* обозначают „презираемого, вызывающего пренебрежение или отвращение человека: *негодяй, кисляй, разгильдяй, лентяй, скупердяй, слюнтяй*“» [Кожин 1985: 279—280] (со ссылкой на В. В. Виноградова).

По каким-то, наверное, очень важным причинам потенциальное влияние этих факторов психосоциолингвистического характера оставили без внимания (как и возможную реакцию молчаливого отторжения от таких инноваций среди немалого числа действующих сотрудников МВД). Что же касается так называемого общественного мнения, то его явно не успели подготовить к следующему этапу *модернизации*. Видимо, этой незрелостью сознания электората в оценке очередного прогрессивного нововведения объяс-

няются показатели соответствующих социологических обследований. По данным инициативного всероссийского опроса ВЦИОМ, проведенного 14—15 августа 2010 г. с привлечением 1600 респондентов, на вопрос «К каким последствиям, по-вашему, приведет переименование милиции в полицию?» были получены ответы: 63 % — «эта мера ничего не изменит, всё останется по-прежнему»; 15 % — «эта мера приведет скорее к негативным последствиям»; 11 % — «эта мера приведет скорее к положительным последствиям»; 11 % — «затрудняюсь ответить» [ГН 2010: 1]. Конечно, и к таким результатам надо относиться с определенной осторожностью, но именно в демократическом правовом государстве (см. действующую Конституцию РФ) подобные опросы было бы разумно проводить заблаговременно, *до* принятия широкомасштабных кардинальных решений. В то же время понятно, что итоги социологических опросов (ранее осуществлялись и референдумы) во многих случаях (из-за той же «гражданской незрелости населения»), будучи учтены властями, оказались бы неодолимым барьером, препятствующим претворению в жизнь реформ, которые, как неоднократно декларировалось, направлены именно на благо электората, не желающего (может быть, и не способного) видеть светлые перспективы своего бытия — скажем, в 2020 г.... Кроме того, существуют прецеденты референдумов, результаты которых мудро не принимались властью во внимание (например, в 1991 г. — по поводу будущности Советского Союза). Впрочем, известное фольклорное речение, бесспорно справедливое по своей сути: «сверху виднее» (вариант — «начальству виднее») — может быть дешифровано и так: «Твое начальство глубоко (глубже, чем кто бы то ни было) постигает законы мира, человека и общества и строит твою жизнь в полном соответствии с ними. Оно делает максимально лучшее для тебя. Оно живет и тяжело трудится во имя тебя. И жизнь твоя прекрасна» [Зиновьев 1990: 205]. Ранее было замечено: «Но как узнать мнение начальства? Нам скажут: оно видно из принимаемых мер. Это правда... Гм! нет! Это неправда!... Правительство нередко таит свои цели из-за высших государственных соображений, недоступных пониманию большинства... Где подданному уразуметь все эти причины, поводы, соображения... Никогда не понять ему их, если само правительство не дает ему благодетельных указаний. В этом мы убеждаемся ежедневно, ежечасно, скажу: ежеминутно» [Прутков 1976: 138—139].

Однако же чуть ли не ежедневно (даже

если судить об этом только по сообщениям СМИ) обыватели убеждаются в том, что российская полиция в лице ее, увы, достаточно многочисленных представителей склонна к совершению разнообразнейших правонарушений ничуть не менее, чем российская милиция. А потому, по данным недавнего социологического опроса, проведенного Левада-центром, в июне 2012 г. 73 % российских граждан считало, что полиция не заслуживает доверия (кстати, и по сию пору в бытовом общении многие речедейтели именуют ее по-прежнему — милицией — видимо, не только в силу определенной инерции мышления, но и из-за отсутствия сколько-нибудь зримых различий между милицией и полицией).

Любопытно отметить и то, что, судя по всему, декларированная реформа МВД России (как и прочие подобные инновации) очень далека от своего завершения. Так, новый министр МВД В. Колокольцев учредил — в дополнение к имеющимся структурам — еще и «расширенную рабочую группу по дальнейшему реформированию органов внутренних дел», которая уже успешно заседала... [Куликов, Фалалеев 2012: 8.]. Можно предполагать, что и эту реформу постигнет судьба ранее провозглашенных — и столь же перманентных: ведь совершенно невозможно установить, каковы успехи того или иного нововведения власти, если реформа окончательно не завершена. Следовательно, за финальный (обещанный) результат никто (и в первую очередь высшие руководители) не несет никакой ответственности.

Поэтому вербально-магические операции властей, несомненно, будут продолжаться с не меньшим размахом, а значит, лингвистические исследования в этом направлении сохраняют свою актуальность.

Что же касается основной массы носителей русского языка, то им, чтобы не стать жертвами словесных манипуляций, следует чаще вспоминать поговорку: «Не смотри на кличку, смотри на птичку» [Даль 1984: 168]. Кроме того, по справедливому суждению М. М. Бахтина, «слово нельзя отдать одному говорящему. У автора (говорящего) свои неотъемлемые права на слово, но свои права есть и у слушателя...» [Бахтин 1986: 317]

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. — М., 1986. С. 297—325.
2. Бринёв К. И. Манипулятивное функционирование языка в юрислингвистическом и собственно

лингвистическом аспектах // Юрислингвистика-6 : Инвективное и манипулятивное функционирование языка. — Барнаул, 2005. С. 156—167.

3. Голев Н. Д. Особенности современного обыденного метаязыкового сознания в зеркале обсуждения вопросов языкового строительства // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2008. № 3 (4). С. 5—17.

4. Голев Н. Д. Самоопределение юридической лингвистики в России // Юрислингвистика-8: Русский язык и современное российское право. — Кемерово ; Барнаул, 2007. С. 7—13.

5. ГН = Городские новости. 2010. № 127. 24 авг.

6. Даль В. И. Пословицы русского народа : в 2 т. Т. 2. — М., 1984.

7. Зиновьев А. А. Зияющие высоты. Кн. 1. — М., 1990.

8. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. — М., 2002.

9. Кожин А. Н. Лексико-фразеологические процессы в русском языке периода Великой Отечественной войны. — М., 1985.

10. Кузьмин В. Дмитрий Медведев: обеспечить правопорядок // Российская газета — неделя. 2010. № 31. 12 авг. С. 2.

11. Куликов В., Фалалеев М. Полиция уйдет от палки // Российская газета — неделя. 2012. № 146. 28 июня. С. 8.

12. Оруэлл Дж. 1984 // Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет. — М., 1989а. С. 22—208 [Оруэлл 1989а].

13. Оруэлл Дж. Англичане // Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет. — М., 1989б. С. 309—341.

14. Оситов Б. И. Речевая манипуляция и речевое мошенничество: сходство и различие // Юрислингвистика-8: Русский язык и современное российское право. — Кемерово ; Барнаул, 2007. С. 216—221.

15. Поливанов Е. Д. Задачи социальной диалектологии русского языка // Е. Д. Поливанов и его идеи в современном освещении. — Смоленск, 2001. С. 312—331.

16. Поляков Ю. Контрольный выстрел // Поляков Ю. Хомо эректус : пьесы и инсценировки. — М., 2004. С. 151—222.

17. Потебня А. А. Мысль и язык // Потебня А. А. Эстетика и поэтика. — М., 1976. С. 35—220.

18. Прутков Козьма. Проект: о введении единомыслия в России // Прутков Козьма. Соч. — М., 1976. С. 138—140.

19. Пять событий недели // Российская газета — неделя. 2010. № 31. 12 авг. С. 2.

20. Российская газета — неделя. 2010. № 32. 19 авг. С. 5—17.

21. Секретарёва Е. В. Речевое внушение и речевая манипуляция: к постановке проблемы // Юрислингвистика-6 : Инвективное и манипулятивное функционирование языка. — Барнаул, 2005. С. 266—269.

22. Семеняко Е. Адвокатский запрос в милицию // Российская газета — неделя. 2010. № 32. 19 авг. С. 5.

23. Словарь русского языка : в 4 т. Изд. 2-е. = МАС₂. Т. 3. — М., 1983.

24. Советский энциклопедический словарь. 2-е изд. — М., 1983.

25. Трубочёв О. Н. Заветное слово. Взгляд лексикографа на проблемы языкового единства славян. — М., 2004.

26. Фалалеев М. Рожденная без революции // Российская газета — неделя. 2010. № 31. 12 авг. С. 10.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов